

Хотён Блудович (7)

Во славном во городе во Киеве,
У ласкова кнезя у Владимира
Заводилось столóванье, цёстён пир.
Уж как вси на пиру-то напивалисе,
Ведь и вси на цёснóм наедалисе,
Да и вси на цёснóм приросхвастались.
А сидела на пиру да молода вдова,
Молода вдова да Блудова́ жона,
Да и нацяла Блудова́ жона у Цясовой свататьсе:
— Да отдай-ко-се ты Катеринушу Цясовисьню
За моёго Хотёнышка, сына Блудова.

А Цясовой жоны то не показалосе,
Да и говорила ей таковы слова:
— У тя мужа-та звали Блудишшом,
А сына-то зовут у тя уродишшом:
Тот ли по за́полям уродует
Да стрелят сорок-ворон за цюжим двором.

И взяла она цяру зелена вина,
И ленула ей насупротив в ясны́ оці,
Подмоцила ей шубу соболиную.

С того пира невесела Блудова жона,
Идет домой да не в корысти, не в радости.
Хотёнышко матушку стречеёт:
— Што же ты, моя родна матушка,
Идешь домой да не в корысти, не в радости?
Али место те дали не по вотцины,
Али цярой тобя да обнесли,
Али пьенича-дурак не насмеялсе ли?

Отвещяла молода вдова Блудова жона:
— Место мне-ка дали по вотцины,
И цярой меня не обнесли,
И пьенича над мной не насмеялсе,
А сидела на цёснóм пиру,
Насупротив сидела молода вдова,
Молода вдова да Цясова жона,

Ише я за тобя нацяла свататъсе
На той ли Катеринуши Цясовисьны.
Отвецяла молода Цясова жона:
«У тя мужа-та звали Блудишшом,
А сына-то зовут у тя уродишшом:
Тот ли по за́полям уродуёт,
Стрелят сорок-ворон да за цюжим двором».
И взяла она цяру зелена вина,
Да ленула вином мне в яснѣ оцѣ,
И подмоцила шубу соболиную.

То Хотѣнышку не показалосе.
Скоро шел он да на широкой двор,
Седлал-уздал да коня доброго,
Скоро он поехал во цистѣ полѣ.
Идет Хотѣн из цистѣ поля,
Голосом кричит да шляпой машот:
— Здрастуй-ко ты, тѣшша гордливая,
Да здрастуй-ко ты, тѣшша ломливая!
Стрецей-ко-се ты зетя уродишша,
Да тот ли по заполям уродуёт,
Стрелят сорок-ворон да за цюжим двором!

Как попѣр молодѣць дом копьем, тупым коньчом,
Да тот ли дом он по окнам снял.
Приходила молода вдова Цясова жона,
Говорила Катеринуши Цясовисьны:
— Што это, цядо мое милоѣ,
Кажись, не было в поли ни ветра, ни вехоря,
А каш-от дом ведь по окнам снят!

Отвецяла Катеринуша своѣй матери:
— Ой ты, матушка моя рѣдная!
Из цистѣ поля шел доброй мѣлодець,
Голосом крыцял да и шляпой махал,
А сам-от он да выговаривал:
«Здрастуй-ко ты, тѣшша гордливая,
Да здрастуй-ко ты, тѣшша ломливая!
Стрецей-ко-се ты зетя уродишша,
Да тот ли по заполям уродуёт,
Стрелят Сорок-ворон да за цюжим двором!»
Да попѣр молодѣць дом копьем, тупым коньчом,

И дом-от он ведь по окнам снял,
А сам-от поехал во цистó полё.

Скоро-на́скоро вдова тут догадаласе,
Што дороднё-добрый молодець нехто другой,
Как Хотёнышко Блудов сын.

Ише скоря́ того пошла она к своим сынам, —
А у ей сыновьев было деветеро, —
Приносила им жалобу на Хотёныша:

— Ой же вы еси, сыны, добры мóлодци!
Подьте да захватите сына Блудова,
Приведите его мне пред ясны́ оці!

А ответ держат сыны, добры мóлодци:
— Ой ты, наша рóдна матушка!

Нам ведь у Хотёна взеть-то нецего!

Молодой вдовы то не показалосе:
— Кабы было у меня деветь зéтевьев,
Дак оны бы меня послушались!

Да не стали тут добры мóлодци
Отзыватьсе от своей рóдной матери,
И поехали в нагон за Хотёнышком.
Спит Хотён во белóм шатрѝ,
Спит он, спит да не пробудитсе.
Наезжали молодци да близь шатра,
Добры кони стоптали копытами громко-на́громко.
От того Хотён и пробужеитсе,
Да не долго Хотён тут срежеитсе,
Садилсе Хотён да на добра коня
И поехал к молодцям насупротив.
Троих молодцѝв копьем сколол,
Да троих молодцѝв конем стоптал,
Да ише троих к стремени́ привезал.
Скоро-наскоро поехал к Цясовой жоны,
И крыцял он гласом громкием:
— Здрастуй-ко-се ты, молода жона,
Молода жона, да Цясова жона!
Выкупай-ко ты своих добрых молодцѝв:
Ведь троих я копьем сколол,
Да троих я конем стоптал,
Да ише троих к стремени́ привезал.

Коли выкупишь, дак живых спушшу,
А не выкупишь, дак смерті придам.

Тут молода вдова и спасаласе:
На тарелку клала золота,
Да на дру́гу скатна женьцяга,
А на третью — ширинку золоцёную,
И называла его зётём родным

А сам поварацивал коня в цисто поле,
И отсек своему коню голову,
Выливал цёрево лошадиноё,
Залезал он сам в коніноё цёрево.

Прилетали ту два ворона,
Ворон старшие да ворон младшие.

А спрогóворит-то ворон младшие:

— Бацько, нам бог обед послал!

А ответ дёржал ворон старшие:

— Нет, малой, тут обман ведь есь.

И нацял ворон младшой облетывать,
Нацял ворон покыркивать,
Да нацял и церево поклёбивать.
Ухватил тут ворона́ Хотёнышко за ногу.

Тут и старой ворон заоблетывал,
Старой ворон запокыркивал,

Просит малого выпустить.

Отвецял Хотён таковы слова:

— Ой жо ты, ворон старшие!

Принеси-тко мне-ка воды жівыя,

Да принеси-тко-се воды мёртвыя:

Втогда выпушшу вороненыша.

Полетел как ворон старшие

За тридевяць земель, за тридевяць морей,

За водою жівую да за водой мертвою,

И прилетел ворон с водой жівую,

Прилетел ворон с водой мертвою.

Отдал Хотёнышу во белы́ рукі:

Втогда спустил он ворона младшого.

Водой живою обрызгал коня мертвого —

И конь его нацял здрыгивать.

Водою мертвою стал обрызгивать —

Конь его стал уж на ноги.
И сел молодець на добра коня,
И поехал оживлять своих шурьякóв,
Оживил ведь он своих шурьяков
И поехал к палаты белокамённой.

Стали сочинеть свадьбу брасьную,
Собирались идти ко божийм церквам
Принимать венчи да пресветлые,
Обруцетьсе перстнеми золоцёныма.
Так женилсе Хотён на Катеринуши,
Со того времени зацялсе поцестён пир.

(Записано учителем Онежского уездного училища А. Верещагиным в начале 50-х годов XIX в. в г. Онега, на Онежском берегу Белого моря)

Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, М., 1862.